

РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
АСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
ЦИЯ
КИ
ИЯ
И
Я

РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН

СВОБОДНОЕ
ВЛАДЕНИЕ
ФАРНХЭМА

Москва
2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
X15

Robert Heinlein
FARNHAM'S FREEHOLD

Copyright © 1964 by Robert A. Heinlein

Оформление серии *А. Саукова*

Хайнлайн, Роберт.
X15 Свободное владение Фарнхэма / Роберт Хайнлайн ; [пер. с англ. П. Киракозова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 512 с.

ISBN 978-5-699-88941-9

Спасаясь от ядерной бомбардировки в подвале своего дома, Хьюберт Фарнхэм вместе с домочадцами оказывается в эпицентре пространственно-временного сдвига и попадает в другой мир — в далекое будущее, где не так-то просто выжить...

Один из самых скандальных романов Грандмастера научной фантастики!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-88941-9
© П. Киракозов, наследники, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

— Никакой это не слуховой аппарат, — объяснил Хьюберт Фарнхэм. — Это радиоприемник, всегда настроенный на частоту сигнала тревоги.

Барбара Уэллс от изумления замерла, так и не донеся ложку до рта.

— Мистер Фарнхэм, вы думаете, что они все-таки собираются напасть на нас?

Хозяин дома пожал плечами.

— К сожалению, Кремль не делится со мной своими намерениями.

— Отец, перестань пугать наших дам, — сказал его сын. — Миссис Уэллс...

— Называйте меня просто Барбара, — перебила его молодая особа. — Я даже собираюсь через суд добиться разрешения опускать слово «миссис» перед своим именем.

— Для этого вам вовсе не требуется разрешения суда.

— Учтите это, Барб, — заметила его сестра Карен. — В наше время бесплатные советы очень дороги.

— Помолчи. Барбара, при всем своем уважении к отцу я все же считаю, что ему просто мерещатся всякие страсти. На мой взгляд, войны, конечно, не будет.

— Надеюсь, вы правы, — спокойно сказала Барбара. — А почему вы так считаете?

— Потому что коммунисты — прежде всего реалисты. Они никогда не пойдут на то, чтобы начать войну, которая может повредить им, даже если бы в конечном итоге и смогли бы выиграть ее. А тем более они не рискнут начать войну, победить в которой не в состоянии.

— В таком случае, может быть, они заодно перестанут устраивать все эти ужасные кризисы, как на Кубе? А взять, к примеру, шум из-за Берлина: как будто кому-то есть до этого Берлина какое-нибудь дело! От всего этого просто постепенно становишься невзрастеничкой, — заявила его мать. — Джозеф!

— Да, мэм?

— Приготовьте мне кофе. И бренди. Кофейной.

— Да, мэм, — слуга, молодой негр, убрал со стола ее тарелку, к содержимому которой она почти не притронулась.

— Отец, — заметил молодой Фарнхэм, — а ведь мать беспокоится не из-за каких-то там дурацких кризисов. Это ты нервидуешь ее своим поведением. Ты должен вести себя спокойнее.

— Разве?

— Да, должен! Мать совсем потеряла аппетит... и все из-за какой-то дурацкой пуговицы, торчащей у тебя в ухе. Нельзя же так!

— Перестань, Дьюк! Когда ты стал жить отдельно от нас, мы договорились оставаться друзьями. И я всегда рад выслушать твое мнение как мнение друга. Но все это не дает тебе права

встревать между мной и твоей матерью — моей женой.

— Но, Хьюберт... — протянула его жена.

— Прости, Грейс.

— Ты слишком строг с мальчиком. Это беспокоит меня.

— Дьюк уже не мальчик. И я не сказал ничего такого, что могло бы тебя заставить переживать. Прости.

— Мне тоже очень неудобно, мама. Но если отец считает, что я лезу не в свое дело, что ж... — Дьюк изобразил на лице кривую улыбку. — Придется мне, видимо, обзавестись собственной женой, о которой я мог бы беспокоиться. Барбара, вы согласны выйти за меня замуж?

— Нет, Дьюк.

— Я же предупреждала тебя, Дьюк, что она очень умна, — поспешно вставила его сестра.

— Карен, спусти пары. Но почему, Барбара? Я молод. Я здоров. К тому же не исключено, что у меня когда-нибудь появятся клиенты. А пока мы могли бы прекрасно перебиваться и вашими доходами.

— Нет, Дьюк. Я полностью согласна с вашим отцом.

— Что?

— Вернее, следовало бы сказать, что мой отец согласен с вашим. Не знаю, носит ли он сейчас приемник в ухе, но уверена, что обычное радио слушает внимательно. Дьюк, в нашей семье даже машины снабжены набором предметов первой необходимости на случай войны.

— Серьезно?

— В багажнике моей машины, что стоит перед вашим парадным входом, той самой, на которой мы с Карен приехали сюда, как раз лежит такой набор. Папа приготовил его еще тогда, когда я поступала в колледж. Он относится к этому очень серьезно, и я тоже.

Дьюк Фарнхэм открыл было рот, но так ничего и не сказал. Его отец спросил:

— Барбара, интересно, что же включил в этот набор ваш отец?

— О, множество вещей. Десять галлонов воды. Продукты. Большую канистру бензина. Лекарства. Спальный мешок. Ружье...

— Вы умеете стрелять?

— Папа научил меня. Лопата. Топор. Одежда. Да, еще радио. Но самым важным, как он всегда считал, был вопрос «куда?» Если бы я оставалась в колледже, то отец наверняка счел бы оптимальным вариантом подвал. А здесь он, скорее всего, посоветовал бы мне как можно дальше забраться в горы.

— В этом нет никакой необходимости.

— Почему?

— Отец имеет в виду, — пояснила Карен, — что в случае чего вы сможете укрыться вместе с нами в нашей дыре.

Барбара вопросительно посмотрела на хозяйина дома. Тот объяснил:

— Это наше бомбоубежище. Мой сын называет его «каприз Фарнхэма». Мне кажется, что там вы будете в большей безопасности, чем в горах, особенно если учесть тот факт, что всего в десяти милях от нас расположена база стратегических

ракет. Поэтому, как только раздастся сигнал тревоги, мы укроемся в убежище. Верно, Джозеф?

— Да, сэр! Если так, то я согласен оставаться у вас на жалованье.

— Черта с два! Ты можешь считать себя уволенным тотчас же, как только прозвучит сирена. И с этого момента платить придется уже тебе самому.

— Мне тоже нужно будет вносить свою лепту? — спросила Барбара.

— Вам придется мыть посуду. Каждому придется это делать. Даже Дьюку.

— Меня можно сбросить со счетов, — мрачно сказал Дьюк.

— Что? У нас не так уж много посуды, сынок.

— Я не шучу, отец. Хрущев заявил, что похоронит нас, — и ты всеми силами стараешься, чтобы именно так и произошло. Я не собираюсь хоронить себя заживо в такой дыре.

— Как вам угодно, сэр.

— Сыночек! — его мать оставила чашку. — Если будет налет, обещаю тебе, что ты укроешься вместе с нами в убежище, — на глазах ее блеснули слезы.

Молодой Фарнхэм некоторое время упрямо молчал, затем вздохнул:

— Если начнется налет — я имею в виду, если прозвучит сигнал тревоги, потому что никакого налета быть не может, — я, так и быть, полезу в эту самую дыру. Но сделаю это, отец, только ради спокойствия матери.

— В любом случае место для тебя там всегда готово.

— О'кей. А теперь давайте перейдем в гостиную и перекинемся в карты. Только уговор: о войне больше ни слова. Годится?

— Согласен, — его отец поднялся и предложил руку супруге. — Дорогая?..

В гостиной Грейс Фарнхэм заявила, что в карты она играть не будет:

— Нет, дорогой, у меня совершенно нет настроения. Ты уж, пожалуйста, составь компанию молодым, и... Джозеф! Джозеф, принеси мне еще капельку кофе. Ройял, я имею в виду. Не смотри на меня так, Хьюберт. Ты ведь прекрасно знаешь, что мне только это и помогает.

— Может тебе лучше принять милтаун, дорогая?

— Я терпеть не могу всех этих лекарств. Куда лучше выпить еще капельку кофе.

Они разбились на пары. Дьюк печально покачал головой.

— Бедная Барбара! Играть вместе с моим отцом... Сестра, ты предупредила ее?

— Оставь свои предупреждения при себе, — посоветовал отец.

— Но она имеет право знать. Барбара, молодой грабитель, сидящий напротив нас, настолько оптимистичен в бридж-контракте¹, насколько пессимистичен... кое в чем другом. Так что ждите подвохов. Если у него на руках окажутся плохие карты...

¹ Бридж-контракт — карточная парная игра. (Здесь и далее — *примеч. ред.*)

— Заткнешься ты когда-нибудь или нет? Барбара, какую систему вы предпочитаете? Итальянскую?

Она широко раскрыла глаза.

— Единственное, что я знаю итальянское — так это вермут, мистер Фарнхэм. А играю я по Горену. Ни плохо, ни хорошо, просто я знаю эту книгу.

— Ну что ж, по книге так по книге, — согласился Хьюберт Фарнхэм.

— По книге... — эхом отозвался его сын. — Вопрос только, по какой? У папаши есть очаровательная привычка следовать советам «Альманаха фермера», особенно когда у противника плохие карты. Тогда он начинает удваивать и вторично удваивать ставку. А потом он начинает рассказывать, что если бы ты пошел с бубен...

— Ваше высочество, — прервал его отец, — может быть, вы все-таки соизволите взяться за карты? Или вы желаете, чтобы я вбил их вам в глотку?

— Я уже сказал. Ну что, приправим игру чем-нибудь остреньким? Например, по центу за очко?

— Для меня это очень много, — поспешно сказала Барбара.

— К вам, девочки, это не относится, — ответил Дьюк. — Только ко мне и отцу. Таким способом я ухитряюсь платить за аренду конторы.

— Дьюк имеет в виду, — поправил его отец, — что таким способом он все глубже увязает в долгах своему старику. Я отыгрывал у него, бывало,

все его месячное содержание, еще когда он учился.

Барбара смолкла, и игра началась. Высокая ставка держала ее в постоянном напряжении, хотя платить ей не пришлось бы. Волнение ее усиливалось еще и мыслью, что партнер был классным игроком.

Когда она поняла, что мистер Фарнхэм считает ее игру вполне сносной, ей удалось немного расслабиться. Однако все равно она радовалась, когда удавалось отдохнуть в роли «болвана». Эти минуты отдыха она отдавала изучению Хьюберга Фарнхэма. Он ей определенно нравился: и тем, как он вел себя в семье, и тем, как играл в бридж, — спокойно, вдумчиво, практически никогда не ошибаясь, а иногда просто блестяще. Она была в восторге, когда он, набравшись наглости не положить туза, выжал последнюю взятку в контракте, в котором она переторговалась.

Она знала, что Карен надеется обручить их с Дьюком за этот уикенд, считая их вполне удачной парой. Дьюк был довольно привлекателен внешне (да и Карен была хорошенькой), и к тому же был бы для Барбары прекрасной партией: подающий надежды адвокат, всего на год старше ее, с молодой и цепкой хваткой.

Интересно, надеется ли он сам овладеть ею за эти выходные? Может быть, и Карен втайне рассчитывает на это и сейчас с любопытством наблюдает за тем, как разворачиваются события?

Нет, этому не бывать!

Она, конечно, вполне согласна с тем, что один раз ей не повезло, но это не значит, что любая разведенная женщина абсолютно доступна. Черт побери, да ведь она *ни с кем* не лежала в постели с той самой ужасной ночи, когда она собрала свои вещи и ушла. И почему это люди считают...

Дьюк смотрел на нее. Она встретилась с ним взглядом, вспыхнула и отвела глаза. Теперь она смотрела на его отца.

Мистеру Фарнхэму было что-то около пятидесяти, так она решила. По крайней мере, на вид ему можно было дать именно столько. Волосы его уже начали редеть. Седой, худощавый, даже худой, хотя с небольшим животиком, глаза усталые, вокруг глаз морщинки, от носа к уголкам губ тянутся глубокие складки.

Симпатичным его никак не назовешь...

И тут с неожиданной теплотой она подумала, что если бы Дьюк Фарнхэм обладал хотя бы половиной мужественного очарования своего отца, то резинка трусов не оказалась бы для нее такой надежной защитой. Она вдруг почувствовала, что рассердилась на Грейс Фарнхэм. Какое оправдание можно найти женщине, ставшей неизлечимой алкоголичкой, раздражительной, жирной, все прощающей себе, когда у нее такой муж?

Эту мысль сменила другая — о том, что с годами Карен может стать такой же, как ее мать. Мать и дочь вообще были похожи, если не считать того, что Карен не превратилась пока в

жирную тушу. Барбаре вдруг стало неприятно думать об этом.

Карен ей нравилась больше, чем кто-либо из подруг по учебе, с которыми она столкнулась после возвращения в колледж. Ведь Карен такая милая, благородная и веселая...

Но может быть, когда-то и Грейс Фарнхэм была такой же.

Неужели женщина с годами всегда становится раздражительной и никчемной?

Закончился последний кон, и Хьюберт Фарнхэм оторвался от карт.

— Три пики, гейм и роббер. Неплохо было заказано, уважаемый партнер.

Барбара покраснела.

— Вы хотите сказать, неплохо сыграно. Заказала-то я многовато.

— Ничего. В худшем случае мы могли остаться без одной. Кто не рискует, тот не выигрывает. Карен, Джозеф уже лег?

— Занимается. Завтра у него контрольная.

— Жаль, мы могли бы пригласить его сыграть. Барбара, Джозеф — лучший игрок в этом доме, всегда играющий смело, когда это оправдано. Прибавьте к этому, что он учится на бухгалтера и никогда не забывает ни одной карты. Карен, может быть, ты сама нальешь нам чего-нибудь, чтобы не беспокоить Джозефа?

— Конечно, масса Фарнхэм. Водка и тоник вас устроят?

— И чего-нибудь закусить.

— Пошли, Барбара. Придется нам похозяйничать на кухне.

Хьюберт Фарнхэм проводил их взглядом. Как несправедливо, думал он, что такое прелестное дитя, как миссис Уэллс, постигло такое несчастье — неудачный брак. В бридж она играет вполне прилично. Хороший характер. Может быть, немного нескладна и лицо вытянуто чуть больше, чем надо... Но зато приятная улыбка и своя голова на плечах. Если бы у Дьюка была хоть капелька мозгов... Но у Дьюка ее определенно не было.

Фарнхэм поднялся и подошел к жене, тупо кивающей телевизору.

— Грейс! — позвал он. — Грейс, дорогая, тебе пора ложиться, — он помог ей дойти до спальни.

Вернувшись в гостиную, он застал сына сидящим в одиночестве.

— Дьюк, я хотел извиниться перед тобой за тот разговор во время обеда.

— Ах, это! Да я уже и думать забыл.

— Я предпочел бы пользоваться твоим уважением, а не снисхождением. Я знаю, что ты не одобряешь мою «дыру». Но ведь ты никогда и не спрашивал, зачем я построил ее.

— А что тут спрашивать? Ты считаешь, что Советский Союз собирается напасть на нас, и надеешься, что, укрывшись в земле, спасешься. Обе эти идеи нездоровы по сути. Болезненны. И более чем вредны для матери. Ты просто принуждаешь ее пить. Мне это не нравится. И еще больше мне не понравилось то, что ты напомнил мне — мне, адвокату! — что я не должен вмешиваться в отношения между мужем и женой.

Дьюк поднялся.